

З.Г. САМОДУРОВА

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ВИЗАНТИИ VII—XII вв.*

Наряду с трактатами античных мыслителей, разрабатывавших математические натурфилософские проблемы, и их ранневизантийских комментаторов, не менее важным источником информации об окружающей вселенной для образованных жителей империи VII—XII вв. были труды византийских ученых рассматриваемой эпохи, в которых последние не только описывали различные явления природы, но и пытались по возможности дать им объяснение и показать свое видение мира. В этот период было создано довольно значительное число сочинений по математике, астрономии, физике, биологии, медицине и т.п.

Много внимания в Византии указанного времени уделялось разработке проблемы математики. Знание ее было необходимо и практикам (купцам, ремесленникам, чиновникам, землемерам, зодчим и др.), и представителям науки. Последние считали ее пропедевтической дисциплиной, которая учит логике в рассуждениях, развивая способность понимания окружающего мира, дает серьезную работу уму и является подготовкой к постижению философских истин. Ценили математику и деятели церкви, ибо знакомство с ней помогало им производить сложные вычисления при составлении церковного календаря, для установления пасхальных циклов¹.

В VII—XII вв., особенно в IX—X вв., в период так называемого первого научного Возрождения² появился ряд работ математического характера. Это прежде всего сочинения Льва Математика: его лекция об Евклиде, где он впервые для выражения арифметических отношений использовал буквы вместо цифр, и гомилия, произнесенная им 25 марта, в праздник Благовещения, в которой он попытался выяснить значения некоторых чисел у пифагорийцев, сектантов Симеона и Маркиона и, главным образом числа 7 у евреев и раскрыть его внутренний мистический смысл³.

Богатым источником информации по математике были труды Михаила Пселла затрагивающие широкий круг вопросов. Его трактат "О числах", в котором он для объяснения явлений природы и человеческих отношений привлекал числовые спекуляции, помогал разобраться в недоступном для понимания мистическом смысле чисел. С толкованием пифагорийской мистики чисел сталкиваются вновь при чтении его

* Продолжение. Начало см.: ВВ. 1992. Т. 53.

¹ Vogel K. Byzantine science // CMH. Cambridge, 1967. Vol. 4: The Byzantine Empire. Pt. 2: Government, Church and Civilisation / Ed. J.M. Hussey. P. 264, 300; Самодурова З.Г. Естественнонаучные знания // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 298.

² Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 109—120, 148—176; Ševčenko I. Remarks on the Diffusion of European Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs / The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. N 3. July. P. 322—323.

³ Euclidis Elementa // Opera omnia / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1888. Vol. 5. P. 714—718; Vogel K. Op cit. P. 270—271; Lemerle P. Op. cit. P. 170—171, 157; Истрия математики с древнейших времен до начала XIX столетия / Под ред. А.П. Юшкевича. М., 1970. I. С. 144—151; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 237—238.